

БЕЛЛЕТРИСТИКА

С гончими по зайцу

В. Шлок

Кажется не существует такой породы собак, представители которой не проявляли бы страсти погнаться за зайцем. Даже микроскопический по размерам, крошка-той-террьер, которого любой зайчишка толчком своего тела мог-бы заставить шаром покатиться, и тот дерзко подает свой колокольчишко-подобный голосок по несчастному „косому“ и гонит, гонит как гончая на большем или меньшем протяжении.

При таком отношении собак разных пород к зайцу может явиться у некоторых, главным образом начинающих охотников, мнение, что для охоты на зайцев всякая собака, независимо от ее породы, может быть пригодна, а большее или меньшее совершенство ее зависит лишь от практики.

С таким мнением, к сожалению, действительно приходится встречаться и наблюдать поэтому не охоту с гончими, а гоньбу зайцев с собаками, о кровях которых можно столько же сказать, сколько и о болотной воде.

Но могут явиться вопросы: если кровная гончая собака по своим породным внутренним качествам отличается от „гончей“ не кровной, то, что выделяет ее в особую привилегированную группу собак? Ведь, гончая в новичках нередко обладает чутьем, резвостью (паратостью), звучным голосом, полазом, добычливостью, злобой, порывистостью и пр. качествами?

На такого рода недоуменные вопросы ответа не потребуется, если мы сравним работу кровной гончей с работой некровной. Некровная гончая при наличии выше перечисленных качеств, правда, погонится за зайцем, даже некоторое время погоняет его, но гонять в продолжении многих часов до загона зайца никогда не будет и не может. Не может потому, что ей недостает необходимого для такой гоньбы свойства—вязкости.

Как кровная легавая собака отличается присущей ей способностью к

стойке, так и кровная гончая собака характерна своей вязкостью, т. е. упорством, настойчивостью в преследовании зверя. Этой-то вязкости у некровной гончей нет; даже у выдающихся легендарных „бескровок“ отмечается недостаток вязкости.

Хотя обладание безусловно кровной гончей собакой в наше время—счастье, выпадающее далеко не каждому охотнику, но мы с вами, читатель, отправимся на охоту все же с кровной гончей. Мы с вами знаем, что по сумме и сложности охотничьих переживаний охота с кровной гончей занимает по отношению к другим видам охоты место в первом ряду.

Тихое, слегка морозное утро. Сквозь прозрачную синеву пробуждающегося дня неясным узором сквозит оголенный, затихший лес. От проселочных дорог, лугов и сжатых полей веет еще недавним былым. Последние косяки гусей, озабоченно перекликаясь, спешат покинуть замирающую до весны природу...

Но вот Дунай потряс своим густым басом окрестный воздух, ему вторит низким дискантом Флейта. Еще одна, другая сдержанная „проба голосов“ на свежих „жирах“ и вдруг, точно сквозь внезапно открывшуюся плотину, полились широким каскадом не голоса, а скорее вопли отчаяния, злобы, страдания, беспощадности, и заполнили осиротелый лес. Мы—одно внимание: ружье на изготовке; одна мысль—не упустить и, стоя на лазу, прислушиваясь то к удаляющемуся, то опять приближающемуся на кругах азартному гону, мы уверены, что нет спасения бедному „косому“, что не сберегут его ни быстрые ноги, ни родной, знакомый ему лес, ни шаблонная, инстинктивная хитроумность его. Вязкие гончие связали себя с ним и отвязать их может только смерть гонимого. Мы ясно представляем себе учащенное дыхание беззащитного зверька, его раздувающиеся, как меха, бока, отчаянное усилие слабющих

сил и безумное метанье по кустарникам от наседающих паратых гонцов. И—странна психология человека вообще и охотника в особенности—чувство жалости к бедному зверьку зарождается в нас...

Но что с нами? Ведь чуть не прозевали... Но могуч еще голос предков: приклад автоматически ложится в плечо, мушка нащупывает зверька, щелкнул выстрел и то, что было предметом недавнего сожаления, теперь лежит как трофей на земле... Алая, еще горячая кровь тонкой струйкой, перебегая с шерстинки на шерстинку, течет из содрогающегося тельца. Конвульсивные подергивания ног как бы посылают последний привет всему, что радовало его, всеми преследуемое, существование.

Отправляемся дальше. Идем, порскаем по кустарникам с целью возбудить зайца и тем дать собакам возможность скорее приступить к новой работе.

Вот, гончие натекли на след; как видно, попался матерый, бывалый русак. Он не остался в районе своей лежки, а задал прямиком километра на полтора и задержался в кочкарниковой, мокрой низменности, где и начал кружить. Работа для собак из ряда вон трудная: высокие кочки, покрытые сухой, высокой травой и обилие воды и грязи сидьно мешают непрерывному гону; собаки часто скалываются. Но, что сколы при настойчивости, и упорстве собак? Несколько минут замолкания только для того, чтобы с удвоенным азартом и злобой вновь погнать свою жертву!

Внимание! Прерванный гон возобновился; собаки повели большим кругом по опушке низменности, в спасительность которого, повидимому, все еще верил заяц. Ждать его разочарования и возвращения в места лежки нам нет смысла. Поспешим к низменности, чтобы занять там наиболее верный лаз.

Таким местом будет угол, образуемый опушкой и прорезающей низменность дорожкой: если русак предпочтет дорогу, то он и в этом случае не минует встречи с нами.

Итак, закустившись, мы стоим готовые встретить косога „огнем и мечем“. Гон слышится в правом, противоположном углу; вот он повернул влево, идет по параллели... Внезапно замолк... Вновь серединой болота... Ну, охотник, не зевай! В каждый миг может выкатиться серый катышек и, как „чуждое виденье“, скрыться в кустах. Не зевай! Собаки ведут на тебя!

Говорил тебе, предупреждал: не зевай! Вот и прозевал!.. Видел как скинул в кусты? Момент—и не стало! Это он с целью сколоть собак, выиграть время, чтобы удрать, напелтять и вновь сколоть собак. Но он ошибся в своих расчетах; он не знает, что за ним следуют собаки—вязкие, нагоненные и что его хитрости только разжигают их азарт.

Ату, его, собаченьки!—кричим мы и за этим следует еще серия выражений по поводу того, что заяц не пожелал умереть на нами избранном лазу и отсрочил свое бытие еще на короткое время...

Охотничьи типы

А. Соколов

1. Никандра

Никандра стоял на горке среди большого, покрытого тонким настом, белого поля, смотрел на расстилающуюся перед ним синюю кромку леса и думал вслух:

— И отчего бы это из Губановского леса дыму идти, а? Вот так штука!.. Не иначе городские пустострелы за охотой приехали. Верно... Ах, сукины, дети!..

Он сделал козырьком руку и еще раз окончательно убедился, что действительно, над Губановским лесом в одном месте тонкой струйкой поднимается синий дымок.

— Тьфу, сволочи!...

Никандра даже плюнул в сердцах и еще раз крепко обругал городских охотников.

— В другое бы время это как раз кстати. Понаедут с хорошими гончими, запустят в остров, а мест не знают. Ну и подваливай под гон. Хозяев то за версту по гвалту слышно, а ты эдак с бочка встанешь; смотришь—с первого круга косога и снял. А уж когда собаки на „стеганого“ напорятся, да угонят эдак версты за четыре—пять и сколются там, ну тут уж тогда своя охота пойдет. На ходких лыжах быстро подвалишь,